

Вырезка из газеты

ГОРЬКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

г. Горький

30 ЯНВ 1980

ОТ ПОЛЯ СЕГО...

Историческая тема в творчестве известного горьковского поэта и драматурга Н. Г. Бирюкова обычно связывается с созданием либретто для оперы А. А. Касьянова «Степан Разин» (в трех редакциях). Но, к сожалению, до сих пор остаются неизвестными широкому кругу читателей страницы его творчества, посвященные одной из примечательных глав русской истории — победе на Куликовом поле, 600-летие которой мы будем отмечать в этом году.

А тема эта была, по-видимому, особенно близка и дорога Нилу Григорьевичу, не случайно, на протяжении всей своей жизни он вновь и вновь возвращается к ней, и прежде всего, к образу Дмитрия Донского. Первые записи, относящиеся к работе над этой темой, датированы 12 апреля 1939 года. В архиве, хранящемся у вдовы писателя — Анны Алексеевны Бирюковой, находятся рукописи обширного исторического очерка «Дмитрий Донской» (120 машинописных страниц), неоконченной повести под условным названием «Повесть о русском князе», и, наконец, либретто оперы «Погибель Мамаева». Многочисленные подготовительные материалы — выписки из научных трудов, летописей, сказаний, записи народных поверий, заговоров, песен, — свидетельствуют о том, как глубоко, scrupulously автор постигал и логику исторических событий, и особенности нравов и быта того времени, и своеобразие разговорной речи конца XIV столетия.

Особый интерес представляет для нас либретто «Погибель Мамаева». Оно было написано для А. А. Касьянова (замысел не удалось осуществить, так как Александр Александрович в то время начал уже работу над оперой «Фома Гордеев»). Пожалуй, «Погибель Мамаева» является лучшим из всего, что создал Н. Г. Бирюков в этом жанре. Примечательна эта вещь и тем, что была она закончена в 1945 году, сразу же после победы советского народа над фашистской Германией.

Краткое содержание основных сюжетных линий таково:

Действие происходит в июле 1379 — сентябре 1380 гг. За два года до этого на поместные брянского боярина-воеводы Парфена Шею в полночь нагрянул отряд золотоордынского бека Айдара. После недолгой битвы «дворня пала», а Шею, иссеченного, бросили, посчитав его мертвым. Неизвестна судьба молодой жены Парфена — Ефросиньи, то ли она погибла, то ли сгорела в огне. Обезумевший от горя Шея уходит в монастырь

и принимает иноческое имя — Пересвет.

Брат Ефросиньи — молодой боярин Захар Тошнов — отправляется в Золотую Орду с дарами великого князя Дмитрия. Там он неожиданно встречает свою несчастную сестру, которая стала женой Айдара и родила тому ребенка. Хан Мамай отвергает дары и пытается склонить Захара к предательству, удержать его в Золотой Орде. Однако с помощью Ефросиньи и дочери хана — Тайтугль, напизной и взбалмошной, но в то же время способной на глубокое чувство, Захару удается бежать. Тайтугль, влюбившаяся в русского боярина, сообщила Захару тайну меча, отправленного Мамаем «в подарок» Дмитрию (в рукояти ножа скрыто отравленное жало). Именно с этим «подарком» отправился к Дмитрию Айдар.

Сцены третьего действия являются кульминацией и одним из самых напряженных в этой драме. Несмотря на сопротивление митрополита Киприяна и угрозы явившегося с ультиматумом Айдара, Дмитрий принимает решение выступить и дать бой монголо-татарам.

В заключительных сценах дается изображение Куликовской битвы. Полны драматизма сцены встречи Пересвета и Ефросиньи, прощания Тайтугль с умирающим Захаром, гибели Пересвета, убийства Мамаем дочери, до конца сохранившей верность своему избраннику. Но жертвы, принесенные героями этой драмы, не напрасны. Одержана победа, положившая начало освобождению Руси от монголо-татарского ига.

Уже по этому, далеко не полному пересказу можно судить о том, насколько сложно и многогранно драматургическое настроение этого произведения. Большое мастерство Н. Г. Бирюков проявляет и в обрисовке характеров своих героев, и в мотивации их поступков. Скажем, тому же Пересвету нелегко встать под знамена Дмитрия, сражаться бок о бок со своим давним врагом — Баброком, князем волынским. Волнуют нас и переживания Ефросиньи, матери ребенка — «полурусского, полутатарчонка». Психологически тонко автор показывает и колебания молодого Захара, не решающегося принять любовь дочери самого Мамаю. Трагичен, разумеется, и образ Тайтугль, так горячо и так некстати влюбившей русского витязя.

В то же время эта сложность, неоднозначность сюжетных коллизий, нравственно-психологических характеристик не только не скрадывает, но, наоборот, лишь резче подчеркивает весь драматизм исторической ситуации, сложившейся на Руси в конце XIV столетия, приближает к нам, «очеловечивает» великий подвиг русского войска на поле Куликовом.

Хотелось бы надеяться, что своеобразное, глубоко оригинальное либретто Н. Г. Бирюкова найдет свое воплощение и в музыке, и на сцене.

В. БАЗУНОВ.